

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Систематизированы функции обыденного познания. Эксплицированы те его функции, которые ранее не становились предметом специального философского рассмотрения: онтологическая, нормативно-регулятивная, рефлексивная, селективная, прогностическая, а также функция программирования деятельности, поведения и общения и функция воспроизводства общественной жизни. Рассмотрены когнитивные механизмы и коммуникативные схемы обыденного познания, раскрыты его экзистенциальная и методологическая функции, особенности когнитивной и цифровой социализации, специфика адаптационной функции обыденного познания на современном этапе. Сделан вывод о том, что обыденное познание – ключевой когнитивный фактор воспроизводства общественной жизни.

Ключевые слова: функции обыденного познания; систематизация; программирование деятельности, поведения и общения; воспроизводство общественной жизни.

Благодарность. Выражаем благодарность академику НАН Беларуси Е. М. Бабосову, профессору В. К. Лукашевичу и члену-корреспонденту НАН Беларуси Л. М. Томильчику за обсуждение проблем, поднятых в статье, и ценные замечания.

COGNITIVE ANALYSIS OF THE EVERYDAY COGNITION FUNCTIONS

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

As a result of the present research, the systematisation of the functions of everyday cognition was carried out, which made it possible to explicate its functions that had not previously been the subject of special philosophical consideration: ontological, regulatory, reflexive, selective, prognostic, programming function of the activity, behaviour and communication function of reproduction of social life. The cognitive mechanisms and communicative schemes of everyday cognition, its existential and methodological functions, the features of the functions of cognitive and digital socialisation, as well as the adaptive function of everyday cognition at the present stage are considered. It was concluded that everyday cognition is a key cognitive factor in the reproduction of social life.

Keywords: functions of everyday cognition; systematisation; programming of activity, behaviour and communication; reproduction of social life.

Acknowledgements. I express my gratitude to academician of the National Academy of Sciences of Belarus E. M. Babosov, full professor V. K. Lukashevich and corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus L. M. Tomilchik for discussing of the problems raised in the article and valuable critical comments.

Образец цитирования:

Дождикова РН. Когнитивный анализ функций обыденного познания. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:18–26.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26>

For citation:

Dozhdikova RN. Cognitive analysis of the everyday cognition functions. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:18–26. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26>

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanisation.
dozhdikova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>

Введение

Английский термин *background* ‘фон, задний (второй) план, подоплека’ удачно характеризует функциональную роль обыденности в процессе формирования личности. В данном ключе процесс обыденного познания определяет не только совокупность желаний и поступков индивида, но и их фактическую мотивацию (подоплеку). Фоновый характер повседневности приводит к тому, что он впитывается субъектом обыденного познания на подсознательном уровне с момента рождения. «В этом смысле можно упомянуть о реликтовом электромагнитном излучении (BCR: background cosmic radiation), на фоне которого проходят все физические процессы во Вселенной, практически сразу после ее “рождения”» [1, с. 60], а сегодня BCR является источником ценнейшей информации о ее прошлом, настоящем и возможном будущем. «Повседневность, рассматриваемая в качестве фона, оказывает влияние на формирование ценностных, профессиональных и иных ориентаций личности. В ходе цивилизационного развития этот фон усложняется, качественно изменяется и активизируется в смысле влияния на индивидуальное и общественное сознание, на формы деятельности, поведения и коммуникации, образ жизни и образ мыслей обычного человека» [1, с. 6]. Когнитивный анализ функций обыденного познания позволит исследовать его роль в становлении научного знания, диагностировать изменения в субъекте и объекте обыденного познания в современную цифровую эпоху, прогнозировать перспективы исследования данного феномена.

Проблема функций обыденного познания становится особенно актуальной на современном этапе развития постиндустриального общества в связи с возрастанием активности масс в социокультурной и политической сферах, появлением возможности манипулировать их поведением в политической борьбе через мобильную связь и интернет. Возникает проблема идеологического и политического самоопределения молодежи, происходящего под влиянием виртуальной реальности и так называемой мягкой силы (социально-гуманитарных технологий), в контексте обыденного познания как формы когнитивной и цифровой социализации. Когнитивное своеобразие современной ситуации состоит в том, что многие социокультурные ценно-

сти (литература, театр, живой голос артиста и певца, живое общение) утрачивают свое прежнее значение, а это позволяет говорить о известной культурной дисфункции современного индивида и переформатировании его социокультурного пространства. Кроме того, ситуация в мире характеризуется глобализацией, нестабильностью и обострением проблем, связанных с нынешним состоянием духовности, кризисом морали, усилением потребительских тенденций, общим снижением грамотности, растущей инвазией псевдонауки. Реклама, мода, социальные сети могут программировать поведение человека через механизмы обыденного познания. Поэтому важной задачей является исследование новых способов мышления, поведения, деятельности и общения современного субъекта обыденного познания, жизненный мир которого переполнен технологиями и гаджетами, простыми в применении, но сложными для понимания. Для этого необходимо изучить особенности адаптационной функции обыденного познания в современную эпоху: «.. как в зыбучих песках увязает человек в своих невиданных возможностях и достижениях – чем больше силы он применяет, тем больше в ней нуждается, и если вовремя не научиться ею пользоваться, то обречен стать вечным пленником этих зыбучих песков» [2, с. 118]. Встает проблема границ адаптивных ресурсов человека и его мозга, исследования рефлексивной функции обыденного познания и адекватного (или девиантного) существования субъекта обыденного познания в мультимедийном информационном пространстве.

Исследователи проблем повседневности отмечают значение и роль обыденного сознания и познания в обществе, но проблема их функций пока еще не становилась предметом специального философского исследования. Целью данной работы является когнитивный анализ функций обыденного познания. В связи с поставленной целью сформулированы следующие задачи: эксплицировать функции обыденного познания на основе теоретического анализа существующих исследований и практик использования данного феномена, систематизировать функции обыденного познания, выявить функции обыденного познания, которые не становились предметом специального философского рассмотрения.

Предпосылки исследования функций обыденного познания

Исследователи обыденного познания подчеркивали его особую функциональную значимость в структуре познавательной деятельности человека. Как отмечал Т. И. Ойзерман, «обыденное сознание ассимилирует опыт и знания, усваивает представления и некоторые понятия, имеющиеся в науке,

но не проявляет самостоятельности в оценке их познавательной ценности; люди применяют эти знания как определенные стереотипы для ориентации в сфере своих повседневных, непрофессиональных занятий и интересов» [3, с. 123]. Кроме того, обыденное сознание аккумулирует «не только привычные

восприятия и представления, не выходящие за пределы непосредственно окружающей человека жизненной обстановки, но и многообразный, в особенности производственный, опыт людей, который служит основой для научных выводов» [3, с. 122]. Таким образом, обыденное познание – это процесс ассимиляции и аккумуляции знаний.

Е. А. Кукушкина, рассматривая обыденное познание как основу нерелефлексивного сознания, «особый тип отношения к действительности, неотделимый от конкретной жизненной ситуации», утверждала, что оно является «предпосылкой осмысления действительности во всех его видах» [4, с. 69]. С ее точки зрения, главной функцией обыденного познания является «переработка всего теоретического и опытного материала, добытого за его пределами, и преобразование его в форму практических знаний, необходимых как средство ориентации в повседневной практике» [4, с. 70]. Таким образом, обыденное познание выполняет не только функцию переработки теоретического и опытного материала, но и выступает средством ориентации в повседневной практике, предпосылкой осмысления действительности.

Б. Я. Пукшанский в своих работах рассматривал обыденное познание как элемент обыденного сознания [5, с. 74]. Согласно подходу Б. Я. Пукшанского обыденное сознание является «регулятором человеческого поведения и общения» [6, с. 20]. Обыденное знание направлено «на практическое решение повседневных хозяйственных и культурных задач, связанных с собственно человеческими (практическими или духовными) потребностями», помогает человеку ориентироваться в социально-предметной среде [6, с. 97–98]. Следовательно, можно говорить

о практической и ориентационной функциях обыденного познания.

В фундаментальном исследовании И. Т. Касавина и С. П. Щавелева сделан вывод о том, что «повседневность как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [7, с. 414]. И. Т. Касавин отмечает, что «необходимость повседневности как реальности, сознания и знания состоит в том, что она представляет собой: а) материал для творческого преобразования; б) область исследования методов путем решения стандартных задач “разгадывания головоломок”; в) способ освоения и фиксации творческих достижений; г) свободное пространство рекреации и переключения на иные виды деятельности»¹. Исходя из данной теоретической позиции, можно сделать вывод о том, что в культуре любого общества обыденное познание выполняет функции адаптации к условиям, вживания в архетипы, фиксации и усвоения творческих достижений, а также когнитивной социализации и рекреации.

Упомянутые исследователи обыденного познания выделили важные когнитивные функции: переработки, ассимиляции, аккумуляции знания, осмысления действительности, ориентации людей, адаптации к условиям, вживания в архетипы, фиксации, усвоения творческих достижений, когнитивной социализации и рекреации. На основании данных предпосылок нашего исследования мы выявили функции усвоения и потребления научных достижений, а также предпосылочную функцию обыденного познания и пришли к выводу о необходимости исследовать особенности когнитивной социализации и адаптационной функции обыденного познания в современном цифровом обществе.

Методология исследования и проблема систематизации функций обыденного познания

К. Поппер справедливо отмечал методологические трудности анализа обыденного познания, а также то, что научное знание, по сути, является расширением обыденного знания: «К проблематике эпистемологии можно подходить с двух сторон: (1) как к проблемам обычного или обыденного знания или (2) как к проблемам научного знания. Философы, тяготеющие к первому подходу, совершенно верно считают, что научное знание не может быть не чем иным, как расширением обыденного знания. Однако они при этом ошибочно считают, что из двух указанных видов знания легче анализировать обыденное знание» [8, с. 13–14]. Данное понимание соотношения обыденного и научного знания позволяет применить «схему объекта» и «схему метода» научного познания [9, с. 260] к анализу функций

обыденного познания, осуществить их систематизацию. Метод систематизации является продуктивной схемой исследования, которая позволяет искать и находить функции там, где никто их не искал.

По утверждению В. А. Лекторского, необходимым условием допуска результата деятельности ученого в систему научного знания является овладение содержанием и исследовательскими методами образцовых теорий, служащих парадигмой исследования [10, с. 6]. Опираясь на данную методологическую установку, в качестве образцовой теории мы рассматриваем гносеологическую парадигму В. С. Степина. Такой методологический подход позволяет нам выделить следующие основания обыденного познания: 1) картина жизненного мира; 2) идеалы и нормы обыденного познания; 3) философия здра-

¹Повседневность // Энцикл. эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М. : Канон+, 2009. С. 706.

вого смысла [11, с. 263–264]. Это структурирование обыденного познания можно положить в основу систематизации функций обыденного познания и выделить его когнитивные элементы (предметное, нормативное и рефлексивное знание), что соответствует концепции креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске В. К. Лукашевича [12, с. 10]. В. С. Степин и Л. Ф. Кузнецова выделили следующие функции научной картины мира: онтологическую, эвристическую, интегративно-систематизирующую и мировоззренческую [13, с. 250]. С нашей точки зрения, некоторые из этих функций являются также функциями картины жизненного мира.

На основании данного методологического подхода можно утверждать, что обыденное познание на уровне картины жизненного мира выполняет онтологическую, мировоззренческую и эвристическую функции, способствует получению субъектом обыденного познания предметного знания о своем жизненном мире, синтезу, интерпретации и трансляции различных форм знания (функции синтеза и интерпретации), программирует поведение, деятельность и общение субъекта обыденного познания. Картина жизненного мира может выполнять эвристическую функцию, вдохновлять субъекта обыденного и научного познания на различного рода открытия и творческие свершения.

С идеалами и нормами обыденного познания связана нормативно-регулятивная функция обыденного познания, а также получение нормативного знания о мире человеческой деятельности. На уровне философии здравого смысла появляются элементы рефлексивного знания о преобразованном мире и самом себе. В данном контексте философия здравого смысла осуществляет рефлексивную функцию, а также функцию сохранения и трансляции жизненного опыта. Кроме того, обыденное познание выполняет важную прогностическую и экзистенциальную функции, так как здравый смысл (философия здравого смысла) позволяет достаточно эффективно оценивать и прогнозировать динамику и исход той

или иной жизненной ситуации. Обыденное познание на уровне здравого смысла выполняет селективную функцию, помогает отличать существенное от случайного и неважного и выбирать то решение, которое принесет пользу. Именно в контексте обыденного познания происходят воспроизводство мировоззрения эпохи, формирование и дальнейшая модернизация собственной обобщенной картины жизненного мира, которая помогает индивиду ориентироваться и действовать [14, с. 197]. В повседневной жизни происходят прагматический отбор и селекция ценностей, соответствующих мировоззрению эпохи, типу цивилизационного развития.

Говоря о методологических подходах к анализу социального познания, В. С. Степин подчеркивал значение обыденного познания, которое «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [15, с. 3]. Обыденное познание выполняет функцию субъектного программирования не только соответствующих ценностных ориентиров, идеалов и норм (аксиологическая функция), но и образа жизни, определенных форм и способов познания (социально-когнитивная функция), обуславливает поведение и общение людей (праксеологическая и коммуникативная функции), координирует их действия (координирующая функция). Исследование обыденного познания позволит понять чрезвычайно важный для социума механизм формирования девиантных моделей поведения, которые складываются у индивида под влиянием виртуальной реальности, агрессивных компьютерных игр и интернета, порой на подсознательном уровне. Частое погружение в киберпространство может приводить субъекта обыденного познания к формированию игровой и интернет-зависимости, возрастанию агрессивности и жестокости. Механизмы формирования девиантного поведения действуют на уровне обыденного познания, что обуславливает важность и необходимость его исследования. В известном смысле повседневное познание выступает как фактор самоопределения (в том числе девиантного) молодежи.

Особенности обыденного познания как формы когнитивной социализации на современном этапе

Функция когнитивной социализации, выполняемая обыденным познанием, связана с функциями воспитания и самовоспитания, образования и самообразования, обучения и самообучения субъекта обыденного познания. В процессе социализации субъект обыденного познания усваивает соответствующие программы поведения, общения и деятельности. Разрабатывая планы собственной жизнедеятельности, индивид занимается, по сути, самопрограммированием.

Проблема обыденного познания приобретает особую остроту в связи с тем, что «новые когнитив-

ные и информационные технологии взрывают привычные жизненные миры» [16, с. 33]. Это приводит к качественным сдвигам в образе жизни, общении, языке, иных структурах повседневности. На современном этапе информационного общества обыденное познание осуществляет функцию цифровой социализации индивида, связанную с цифровыми возможностями его познавательной деятельности, общения и поведения. Поскольку происходит расширение объекта обыденного познания, его субъект тоже изменяется, так как цифровая социализация привела к появлению «цифрового человека», модели

поведения и программы общения которого задаются прежде всего возможностями социальных сетей, смартфонов, электронных средств коммуникации. «Цифру можно назвать своеобразной точкой роста различных видов цифровой реальности: цифровой культуры, науки, дигитальных технологий, человека цифровой реальности (поколения Z), цифровой экономики, дигитального капитализма» [1, с. 9], дигитальной философии, цифrogenной цивилизации как нового этапа техногенной цивилизации. У субъекта обыденного познания оцифрованы доходы, расходы, работа, заработок, удовольствия и развлечения. Информационные технологии превратили мир в тотально связанную смарт-среду: «Благодаря обыкновенному, вполне доступному смартфону каждый может позволить себе общаться со всем миром в режиме реального времени» [17, с. 24]. Но подобная тотальная связь всех со всеми мешает нормальной жизни и деятельности человека, его мозга, создает проблемы и перегрузки, ведь человеческий мозг не в состоянии осуществить селекцию, обработку и усвоение всей получаемой информации. Будущее же общества зависит от того, сможет ли человек справиться с постоянно растущей информационной нагрузкой, ведь для него жизненно важна не вся информация, а только та, что соответствует его нуждам и интересам.

Проблема состоит в том, что субъект обыденного познания не соблюдает правила умственной гигиены, подвергает себя воздействию стрессов, напряжений, шоковых потрясений, хотя «...и психическим, и умственным способностям человека тоже свойственны различного рода ограничения. <...> Возможно, в погоне за прогрессом мы уже внесли в свою жизнь такие изменения, которые превышают наши способности к адаптации» [2, с. 158]. По-видимому, адаптационная функция обыденного познания имеет пределы. Встает задача согласования «жизненного мира с новыми расширенными представлениями о реальности» [18, с. 72], так как субъект обыденного

познания имеет дело с различными ее видами: цифровой, виртуальной, игровой реальностью, смарт-реальностью, нанореальностью, а также псевдореальностью. «В море информации много сознательно фабрикуемой лжи», поэтому обычный человек в повседневной жизни «все больше окружается миром фантомов и симулякров» [18, с. 70, 81], ему очень трудно отделить зерна от плевел, найти надежные ориентиры в мире дезинформации.

Лавина информации, обрушившаяся на субъект обыденного познания, выходит за пределы его информационных потребностей и превращается в информационный шум, который мешает ему адекватно действовать в новом цифровом мире. Индивид перестает удивляться новому. Можно сказать, притупляется умение удивляться и утрачивается свежесть восприятия, необходимые, например, для творчества. Утрата способности удивляться – это тревожный симптом, сигнализирующий об интеллектуальном неблагополучии современного человека. Особенностью цифровой социализации нашего времени является «неизлечимая неразвитость» [2, с. 158]. К сожалению, субъект обыденного познания ищет ответы на встающие перед ним вопросы не в своей голове, а в интернете, т. е. без собственного критического осмысления. Часто он так и остается на уровне детского мышления и мировоззрения. Инфантилизм становится болезнью многих молодых людей: «Цифровизация приводит к деинтеллектуализации общества в целом. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время» [19, с. 51]. Исследование цифровой социализации позволяет диагностировать состояние социального здоровья общества, выявить проблемы адаптационной функции обыденного познания, связанные с психофизическими возможностями индивида, вскрывает корни изменений в современной культуре.

Когнитивные механизмы и коммуникативные схемы обыденного познания

Обыденное познание осуществляет прием и переработку первичной информации, которая связана с индивидуальным психосоматическим познанием индивида, а также вторичной информации, полученной в результате домашнего воспитания, обучения и общения через СМИ, семейный, учебный, трудовой, коммуникативный и коллективный опыт, intersubъективное, нарративное и книжное познание. В этом смысле обыденное познание является важным интегрирующим фактором полученной информации. В процессе обыденного познания формируются общераспространенные точки зрения – то, что мы называем общественным мнением. Субъект обыденного познания постигает мировоззренческие

универсалии, например добро и справедливость, как специфические стандарты жизнедеятельности, определенный образ жизни. Именно через механизмы и практики обыденного познания происходит освоение существующего образа жизни, вживание в него, постижение правды, цели и смысла существования. В этом также проявляется экзистенциальная функция обыденного познания, которое помогает человеку жить, работать, общаться.

Первоначальным когнитивным механизмом обыденного познания является подражание, начинающееся в детском возрасте. Основой подражания выступает условно-рефлекторное повторение (копирование) определенных моделей поведения

в сочетании с верой в авторитет родителей, учителей, мастеров трудового обучения, а также в подлинность приобретаемых знаний и умений. Подражание – основа обыденного познания. Подражание образцам деятельности, поведения и общения происходит в семье, учебном или трудовом коллективе, других социальных группах. Применяя те или иные предметы и средства деятельности в быту, на производстве и даже на отдыхе, человек открывает их свойства, функции, полезность или вредность, а также свои способности и возможности действия. Подобные открытия начинаются с игровой деятельности ребенка. Игра является приемом обыденной познавательной деятельности, в которой игрушки, куклы, шахматы являются своего рода моделями реальных людей, ситуаций и процессов, развивают абстрактное мышление, способность к обобщениям и интерпретации. Детская игра – это способ моделирования тех или иных житейских ситуаций, общественных отношений, подготовка ко взрослой жизни. «Игровое моделирование является одним из способов обыденного познания, когнитивной социализации в целом. В дальнейшем игровое моделирование становится методом технического программного моделирования и прогнозирования, обучения не только детей, но и машин (компьютеров). Можно сказать, что игровое моделирование – своеобразная точка роста для различных видов познавательной, образовательной и технической деятельности» [1, с. 48]. Такие приемы познавательной деятельности, как подражание, анализ, синтез, моделирование, интерпретация и аналогия, формируются в процессе повседневной жизнедеятельности уже в детстве. Таким образом, обыденное познание осуществляет методологическую функцию. В данном контексте обыденное познание – это рецептурное познание, раскрывающее механизм, алгоритмы решения тех или иных проблем, позволяющее узнать, как выполнять конкретные повседневные действия, реализовывать соответствующие программы деятельности, поведения и общения, жизненные стратегии и технологии. Приобщение к культурным, политическим и идеологическим ценностям осуществляется через механизмы и практики обыденного познания.

Согласно подходу В. С. Степина предметный мир повседневности (одежда, мебель, техническое обустройство быта) может быть представлен в качестве набора кодов, своеобразного текста, сообщающего о человеческой жизнедеятельности в определенную историческую эпоху [20, с. 40]. Этот набор кодов нуждается в расшифровке. Существует символика жестов, танцев, взглядов, любовных посланий и цветов, а также действий и поступков. Наши болезни,

страдания и потери могут быть своего рода знаком, который надо расшифровать, шансом что-то понять и возможностью «одуматься и сосредоточиться на самом жизненно-существенном» [21, с. 777]. Можно утверждать, что человек – ученик школы возможностей. Возможности воспитывают его, учат жизненному оптимизму и нравственному выбору, ведь существует множество возможностей поступить плохо и лишь одна – совершить нравственно достойный поступок. «Совершать поступок можно по-разному (ибо зло, как образно выражались пифагорейцы, принадлежит беспредельному, а благо – определенному), между тем как поступать правильно можно одним-единственным способом (недаром первое легко, а второе трудно, ведь легко промахнуться, трудно попасть в цель)» [22, с. 86]. Существует язык вещей, событий и поступков. Даже молчание и бездействие могут быть красноречивыми. Американский психолог П. Вацлавик подчеркивал, что молчание содержит экзистенциальное сообщение: «Все поведение в ситуации интеракции имеет ценность сообщения. <...> Деятельность и бездействие, слово и молчание – все имеет ценность сообщения» [23, с. 43–44]. Коммуникативные «ключи» содержит вся невербальная коммуникация: позы, жесты, выражение лица, интонация голоса и все остальные невербальные проявления [23, с. 59]. В этом смысле существует экзистенциальное определение истины, которое проявляется в процессе непосредственной коммуникации, так как язык жестов и телодвижений может сигнализировать об истинных намерениях человека и даже о том, говорит он правду или нет.

«Познание – это философская категория, описывающая процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредствующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта»². Исходя из данного определения познания и концепции культуры В. С. Степина, можно сделать вывод о том, что не только научное, но и прежде всего обыденное познание – это освоение надбиологических программ общения, поведения и деятельности, характерных для культуры и той или иной социокультурной прослойки данного общества (например, национальной, конфессиональной). В процессе этого освоения происходит синтез различных типов опыта. Такое понимание обыденного познания позволяет говорить о его социокультурной функции, связанной с функцией синтеза и интерпретации различных типов опыта, практик производства и потребления знания в процессе когнитивной социализации.

²Познание // Новая филос. энцикл. Т. 3 /под ред. И. Т. Касавина. М. : Мысль, 2001. С. 259.

Обыденное познание – ключевой когнитивный фактор воспроизводства общественной жизни

Надбиологические программы деятельности, поведения и общения, сложившиеся в процессе исторического развития той или иной культуры, «...накладываются на генетические программы человека. Состыковка этих программ происходит в процессе социализации, обучения и воспитания. Для одних индивидов этот процесс протекает относительно безболезненно, у других он вызывает серьезные трудности» [24, с. 50]. Состыковка биологических и надбиологических программ деятельности, поведения и общения происходит через механизмы обыденного познания, а научный анализ этого процесса позволит не только понять истоки и проблемы самоопределения молодежи, но и перспективы изменения программ ее жизнедеятельности. В процессе обыденного познания происходит разучивание укорененных в традициях и культуре сценариев поведения, а также их имманентная реконструкция. Обыденное познание выполняет функции трансляции социокультурного опыта и воспроизводства общественной жизни, важнейшие для выживания человека, сохранения, воспроизводства и дальнейшего развития его культурной среды. Обычаи, традиции, ритуалы, правила, стандарты, мировоззренческие универсалии – это способы фиксации и трансляции социального опыта, социокода. Они являются своего рода надбиологическими программами поведения и действий людей. Так, памятник русской литературы XVI в. «Домострой» – это свод житейских правил и наставлений, защищающий принципы патриархального быта и семьи. Учебником житейской мудрости является и памятник русской литературы XVIII в. «Юности честное зерцало», в первой главе которого говорится о том, «что самое важное, дети должны уважать и чествовать своего отца и свою мать» [25, с. 149]. Можно рассматривать «Домострой» и «Юности честное зерцало» как определенный пакет программ поведения, общения и деятельности, выработанный в процессе обыденного познания и завещанный нам прошлыми поколениями. Данные памятники русской культуры содержат архетипы национального характера, учат быть справедливыми, честными, добросердечными, воспитывают качества хозяина и чувство собственного достоинства. В процессе освоения этих глубинных программ и культурных традиций через механизмы обыденного познания и образования происходит воспроизводство общественной жизни, так как традиция осуществляет «в развитии культуры

ту же функцию, какую геном выполняет в изменении видов» [26, с. 37]. В обыденном познании отражаются, транслируются и реконструируются традиционные для данного общества потребности, модели и стереотипы деятельности, поведения и общения, традиционный образ жизни.

Именно в обыденном познании происходит освоение социокодов, «воспроизводство соответствующих видов деятельности, поведения и общения и воссоздание определенных типов социальной жизни» [20, с. 41]. Обыденное познание филогенетически (как исторически развивающийся социокультурный феномен), онтогенетически (как индивидуальный житейский опыт, формирующийся с рождения до зрелого состояния) пронизывает все формы социального познания, включая научное. В этом смысле обыденное познание является всеобщим. Мировоззренческие универсалии через систему воспитания, образования влияют на смысложизненные ориентиры конкретного человека, определяют характер его социализации, картину мира, отношение к науке. Благодаря категориальной упаковке социального опыта в процессе обыденного познания происходит его усвоение, а также трансляция стереотипов мышления и деятельности, шаблонов поведения, социальных кодов общения, например золотого правила нравственности. Предшествующий социокультурный опыт программирует деятельность, поведение и общение субъекта обыденного познания. Социокультурная трансляция жизненных смыслов осуществляется также через повседневные нарративы (житейские истории, легенды, басни, анекдоты и остроты), которые складываются или сочиняются на ходу, как импровизация на заданную тему. В этом проявляется функция нарративной интерпретации обыденного знания. Опираясь на транслируемый через механизмы обыденного познания социальный и исторический опыт, человек оказывается способным к активной деятельности. Через механизмы и практики обыденного познания транслируются и воспроизводятся традиционные промыслы (Палеха, Гжели, Хохломы, Жостово, Тулы, Вологды) и способы решения типичных производственных и жизненных задач. Обыденное познание генерирует, транслирует и реконструирует определенные образцы и когнитивные схемы поведения, деятельности и общения, поэтому является ключевым когнитивным фактором воспроизводства общественной жизни.

Заключение

Анализ теоретических предпосылок исследования функций обыденного познания позволил эксплицировать следующие его функции: первичной

переработки и ассимиляции полученной теоретической и практической информации, аккумуляции нового опыта и знаний, ориентации субъекта обы-

денного познания в повседневной жизни, осмысления действительности, а также функции адаптации к условиям, вживания в архетипы, фиксации и усвоения творческих достижений, когнитивной социализации и рекреации. На основании данного анализа мы выявили функции усвоения и потребления научных достижений, а также предпосылочную функцию обыденного познания. Нами систематизированы функции обыденного познания на основании следующих критериев: картины жизненного мира, идеалов и норм обыденного познания, философии здравого смысла. Метод систематизации оказался продуктивной схемой исследования, которая позволила эксплицировать такие функции обыденного познания, которые ранее не были выделены в качестве таковых: онтологическую, нормативно-регулятивную, рефлексивно-прогностическую, селективную, координационную, экзистенциальную, функцию программирования поведения, деятельности и общения субъекта обыденного познания, а также воспроизводства общественной жизни. Обыденное познание выполняет функцию социокультурного и субъектного программирования не только ценностных ориентиров, идеалов и норм обыденного познания (аксиологическая функция), но и образа жизни, определенных форм и способов познания (социально-когнитивная функция). Функ-

ция когнитивной социализации обыденного познания рассмотрена в связи с функциями воспитания и самовоспитания, образования и самообразования, обучения и самообучения субъекта обыденного познания. Такое понимание обыденного познания позволяет говорить о социокультурной функции обыденного познания, связанной с функцией синтеза и интерпретации различных типов опыта в процессе когнитивной социализации. На современном этапе информационного общества обыденное познание осуществляет функцию цифровой социализации индивида, связанную с цифровыми возможностями его познавательной деятельности, общения и поведения. Происходит изменение субъекта и объекта обыденного познания. Рассмотрены когнитивные механизмы и коммуникативные схемы обыденного познания, его методологическая функция, а также функции производства, потребления и нарративной интерпретации знания. В процессе обыденного познания формируются общераспространенные точки зрения – то, что называют общественным мнением. Таким образом, обыденное познание генерирует, транслирует и реконструирует определенные образцы и когнитивные схемы поведения, деятельности и общения, является ключевым когнитивным фактором воспроизводства общественной жизни.

Библиографические ссылки

1. Дождикова РН. *Обыденное познание в контексте цивилизационного развития*. Минск: БНТУ; 2020. 210 с.
2. Печчеи А. *Человеческие качества*. 2-е издание. Захарова ОВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1985. 312 с.
3. Ойзерман ТИ. Философия и обыденное сознание. *Вопросы философии*. 1967;4:119–130.
4. Кукушкина ЕА. *Познание, язык, культура*. Москва: Издательство МГУ; 1984. 264 с.
5. Пукшанский БЯ. Обыденное и научное познание, их диалектическое взаимодействие. В: Козлова МС, редактор. *Диалектика познания. Компоненты. Аспекты. Уровни*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1983. с. 70–75.
6. Пукшанский БЯ. *Обыденное знание*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1987. 154 с.
7. Касавин ИТ, Щавелев СП. *Анализ повседневности*. Москва: Канон+; 2004. 432 с.
8. Поппер К. *Логика научного исследования*. Садовский ВН, редактор, переводчик. Москва: АСТ; 2010. 576 с. Совместно с издательством «Астрель».
9. Степин ВС. *Теоретическое знание*. Москва: Прогресс-Традиция; 2003. 744 с.
10. Лекторский ВА. *Субъект. Объект. Познание*. Москва: Наука; 1980. 358 с.
11. Дождикова РН. Современная структура обыденного познания. *Весті Національної академії наук України. Серія гуманітарних наук*. 2021;66(3):263–270. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
12. Лукашевич ВК. *Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске*. Минск: Беларуская навука; 2019. 299 с.
13. Степин ВС, Кузнецова ЛФ. *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации*. Москва: ИФРАН; 1994. 274 с.
14. Дождикова РН. Специфика обыденного познания и формирование образа науки в общественном сознании. *Вопросы философии*. 2018;7:196–206. DOI: 10.31857/S004287440000241-0.
15. Степин ВС. О методологических подходах к анализу социального познания. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2014;3:3–10.
16. Лекторский ВА, Филатов ВП, Черткова ЕЛ, Труфанова ЕО, Смирнова НМ, Пружинин БИ и др. Современные тенденции развития эпистемологии (материалы круглого стола). *Вопросы философии*. 2018;10:31–66. DOI: 10.31857/S004287440001151-1.
17. Скинер К. *Человек цифровой*. Сивченко ОЮ, переводчик. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2019. 304 с.
18. Лекторский ВА. *Философия, познание, культура*. Москва: Канон+; 2012. Совместно с РООИ «Реабилитация».
19. Гобозов ИА. Цифровизация общества и деинтеллектуализация. *Философия и общество*. 2021;3:35–54. DOI: 10.30884/jfo/2021.03.02.
20. Степин ВС. *Философская антропология и философия культуры*. Москва: Альма Матер; 2015. 544 с. Совместно с издательством «Академический проект».

21. Ильин ИА. *Почему мы верим в Россию*. Москва: Эксмо; 2006. 912 с.
22. Аристотель. *Сочинения в четырех томах. Том 4*. Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 830 с. (Философское наследие; том 90).
23. Вацлавик П, Бивин Д, Джексон Д. *Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия*. Суворова А, переводчик. Москва: Апрель-Пресс; 2000. 320 с. Совместно с издательством «Эксмо». (Психология. XX век).
24. Степин ВС. *Цивилизация и культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2011. 408 с.
25. Прохоров ГС, переводчик. *Домострой. Юности честное зерцало*. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2008. 208 с.
26. Лоренц К. *Оборотная сторона зеркала*. Федоров АН, Швейник ГФ, переводчики. Москва: Республика; 1998. 393 с. (Мыслители XX века).

References

1. Dozhdikova RN. *Obydennoe poznanie v kontekste civilizatsionnogo razvitiya* [Everyday cognition in the context of civilizational development]. Minsk: Belarusian National Technical University; 2020. 210 p. Russian.
2. Peccei A. *The human quality*. Oxford: Pergamon Press; 1977. 214 p.
Russian edition: Peccei A. *Chelovecheskie kachestva*. 2nd edition. Zakharova OV, translator. Moscow: Progress; 1985. 312 p.
3. Oizerman TI. [Philosophy and everyday consciousness]. *Voprosy filosofii*. 1967;4:119–130. Russian.
4. Kukushkina EA. *Poznanie, yazyk, kul'tura* [Cognition, language, culture]. Moscow: Publishing House of Lomonosov Moscow State University; 1984. 264 p. Russian.
5. Pukshanskii BYa. [Everyday and scientific cognition, their dialectical interaction]. In: Kozlova MS, editor. *Dialektika poznaniya. Komponenty. Aspekty. Urovni* [Dialectics of cognition. Components. Aspects. Levels]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1983. p. 70–75. Russian.
6. Pukshanskii BYa. *Obydennoe znanie* [Everyday knowledge]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1987. 154 p. Russian.
7. Kasavin IT, Shchavalev SP. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+; 2004. 432 p. Russian.
8. Popper K. *The logic of scientific discovery*. Routledge: Taylor & Francis group; 2002. 544 p.
Russian edition: Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya*. Moscow: AST; 2010. 576 p. Co-published by the «Astrel».
9. Stepin VS. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2003. 744 p. Russian.
10. Lektorskii VA. *Sub'ekt. Ob'ekt. Poznanie* [Subject. Object. Cognition]. Moscow: Nauka; 1980. 358 p. Russian.
11. Dozhdikova RN. Modern structure of everyday cognition. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. 2021;66(3):263–270. Russian. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
12. Lukashevich VK. *Kreativnoe vzaimodeistvie predmetnogo, normativnogo i refleksivnogo znaniya v nauchnom poiske* [Creative interaction of subject, normative and reflexive knowledge in scientific search]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. 299 p. Russian.
13. Stepin VS, Kuznetsova LF. *Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoi tsivilizatsii* [The scientific picture of the world in the culture of technogenic civilisation]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 1994. 274 p. Russian.
14. Dozhdikova RN. Special features of everyday cognition and the development of an image of science in social consciousness. *Voprosy filosofii*. 2018;7:196–206. Russian. DOI: 10.31857/S004287440000241-0.
15. Stepin VS. On the methodological approaches to the social cognition analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2014;3:3–10. Russian.
16. Lektorskii VA, Filatov VP, Chertkova EL, Trufanova EO, Smirnova NM, Pruzhinin BI, et al. Contemporary tendencies of epistemology's development (round table discussion). *Voprosy filosofii*. 2018;10:31–66. Russian. DOI: 10.31857/S004287440001151-1.
17. Skinner Ch. *Digital human*. Singapore: Marshall Cavendish Business; 2018. 400 p.
Russian edition: Skinner Ch. *Chelovek tsifrovoy*. Sivchenko OYu, translator. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2019. 304 p.
18. Lektorskii VA. *Filosofiya, poznanie, kul'tura* [Philosophy, cognition, culture]. Moscow: Kanon+; 2012. Co-published by the ROOI «Reabilitatsiya». Russian.
19. Gobofov IA. [Digitalisation of society and de-intellectualisation]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2021;3:35–54. Russian. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.02.
20. Stepin VS. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Moscow: Al'ma Mater; 2015. 544 p. Co-published by the «Akademicheskii proekt». Russian.
21. Il'in IA. *Pochemu my verim v Rossiyu* [Why do we believe in Russia]. Moscow: Eksmo; 2006. 912 p. Russian.
22. Aristotel'. *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Works in four volumes. Volume 4]. Dovatur AI, editor. Moscow: Mysl'; 1983. 830 p. (Philosophical heritage; volume 90). Russian.
23. Vatslavik P, Bivin D, Dzhekson D. *Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsii: izuchenie patternov, patologii i paradoksov vzaimodeistviya* [Pragmatics of human communications: the study of patterns, pathologies and paradoxes of interaction]. Suvorova A, translator. Moscow: April-Press; 2000. 320 p. (Psychology. 20th century). Co-published by the «Eksmo». Russian.
24. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilisation and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2011. 408 p. Russian.
25. Prokhorov GS, translator. *Domostroi. Yunosti chestnoe zertsalo* [Domostroy. Youth is an honest mirror]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2008. 208 p. Russian.
26. Lorenz K. *Die Rückseite des Spiegels*. München: Piper Verlag; 1973. 338 S.
Russian edition: Lorenz K. *Obrotnaya storona zerkala*. Fedorova AI, Shveinik GF, translators. Moscow: Respublika; 1998. 393 p. (Myisliteli XX veka).

Статья поступила в редколлегию 16.05.2022.
Received by editorial board 16.05.2022.